

ПОДХОДЫ США К ОЦЕНКЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ В МИРЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГОДОВ

Бобур Тешабаев

магистрант исторического факультета НУУз

Установление активного диалога между политическими лидерами и представителями академического сообщества сверхдержав было позитивным фактором после сложного периода двусторонних отношений в первой половине 1980-х годов, близкого к кризису. Новый формат взаимодействия был определен как «прорыв», «новая разрядка». Однако результаты этого «прорыва» оказались неодинаковыми для СССР и США. Большая часть американской политической элиты была не готова принять модель развития двусторонних и международных отношений, предложенную Советским Союзом. Думается, что советские идеологи нового мышления не учли одного важного факта: если советское руководство считало возможным частично поступиться внешнеполитической идеологией, то у американского руководства аналогичных побуждений не было. В Вашингтоне в инициативах СССР усматривали проявление слабости, неспособность поддерживать паритет с США и сохранять статус второй сверхдержавы, оценивали ситуацию как благоприятную для победы Соединенных Штатов и Запада в холодной войне.

Г.Киссинджер назвал Р.Рейгана политиком «американо-утопического» типа, верившего, что советский лидер, увидев чудесную жизнь в США, осознает ошибочность коммунистической идеологии, ложный характер советских концепций и истинный характер Америки, и это приведет к эре примирения. Американский лидер собирался добиваться достижения этой цели посредством самой непримиримой конфронтации, и, по определению Киссинджера, «стал первым послевоенным президентом, предпринявшим наступление одновременно идеологическое и геостратегическое»¹.

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. Пер. с англ. — М., 1997. — С. 703.

Риторика первого срока пребывания Р.Рейгана на посту президента США (1981—1984 гг.) означала официальное окончание периода разрядки. Целью Америки становилось уже не ослабление напряженности, но крестовый поход и обращение противника в свою веру. Президент Р. Рейган был избран как многообещающий носитель воинствующего антикоммунизма и остался верен этому до конца.

Сам Р. Рейган не скрывал, что предложил ее вовсе не из стратегических соображений, а из стремления добиться осуществления либеральных идей по ликвидации ядерной войны как таковой. Такой подход предусматривал прежде всего ослабление советской угрозы и принуждение СССР к уступкам в вопросе сокращения вооружений. Как отмечал Г.Киссинджер, Р.Рейган сумел полностью использовать «миф о космической обороне» для достижения договоренностей с СССР. Согласно оценке политики М.С.Горбачева, данной Г.Киссинджером, «коммунизм начал отступать» по всем направлениям: в декабре 1988 года президент СССР перестал стремиться к достижению долгосрочных выгод, которые были у него почти в руках; он отступил, принявшись за одностороннее сокращение советских вооруженных сил. В программной речи в ООН 7 декабря 1988 года М.С. Горбачев объявил об их одностороннем сокращении на 500 тыс. человек и 10 тыс. танков, включая половину танков, противостоящих НАТО. Остальные силы, находившиеся в Центральной Европе, подлежали реорганизации для превращения их в оборонительные. Стремясь умиротворить Китай, М. С. Горбачев объявил о выводе значительной части советских вооруженных сил из Монголии. Указанные действия были оценены на Западе как односторонние, хотя М. С. Горбачев надеялся на ответные шаги со стороны США и европейских стран².

Наиболее откровенно об американской политике в отношении СССР писал в конце 1980-х годов влиятельный консервативный политолог З.Бжезинский. Он продолжал отстаивать положение о не легитимности

² Brzezinski Zb. In Quest of National Security. — Boulder (Col.), 1988. —P. 206-207.

ялтинско-потсдамских соглашений, заявляя о необходимости продолжить непримиримую политику США для исправления ошибок Ялты. В частности, он писал следующее: «Советский Союз — слишком сильный, чтобы не быть соперником, и в то же время, слишком слабый, чтобы быть партнером, не может рассматриваться как серьезный участник конструктивного преобразования мира. Его системные интересы диаметрально противоположны стремлению США сохранить статус кво в мире, где Москва не может доминировать, но может подорвать существующий порядок».

В то время, когда М.С. Горбачев выступил с новой глобальной программой, осуществление которой предполагало равноправное участие сверхдержав, З. Бжезинский писал о том, что только действия Запада в итоге определяют характер окончания так называемого исторического сосуществования двух систем, возлагал на Соединенные Штаты ответственность за то, станет ли мир гармоничным или вступит в полосу глобальной анархии. В книге «Великий провал», З. Бжезинский предсказал распад СССР. Среди причин распада политолог видел не только крах советской идеологии, кризис советской экономической и политической системы, но и невозможность реформировать Советский Союз, в том числе по китайской модели. Препятствием для этого он называл существование в СССР культурных, религиозных, национальных различий, которые обострились в советский период и были дополнены устремлениями новых национальных элит советских республик к большей независимости от центра.

Отмечалось и наличие серьезных центробежных тенденций в социалистическом лагере — среди стран Центральной и Восточной Европы, к которым он причислял и страны Балтии, поскольку они никогда не признавались Соединенными Штатами частью СССР³.

Экономика обеих сверхдержав была подчинена военным задачам. После окончания холодной войны, которое Дж. Гэддис определил 1989

³ Brzezinski Zb. The Grand Failure. — Boulder (Col.), 1989.

годом, когда был достигнут компромисс по Германии, последовавший за подписанием Договора о ракетах средней и меньшей дальности в Европе (РСМД) в 1987 году, ситуация изменилась. Военный фактор перестал играть решающую роль, стала очевидной бесполезность накопления огромных арсеналов ядерного оружия, невозможность решения многих международных проблем с помощью оружия, в первую очередь, ядерного; по-новому высветилась роль экономического и научно-технического факторов в развитии государств. Изменившаяся ситуация, считал Дж. Гэддис, требовала более рационального подхода к использованию военной силы для достижения разумных целей, можно было предположить, что начнется симметричный упадок сверхдержав — СССР и США, могущество которых росло в годы холодной войны с опорой на военную силу.

В 1989 году была опубликована статья Ф. Фукуямы «Конец истории?», в которой автор объявил о «триумфе Запада, западной идеи из-за полного крушения всех альтернатив западному либерализму». Политолог сделал вывод о том, что «наступил не просто конец холодной войны или какого-то особого этапа послевоенной истории, а конец истории как таковой, т.е. конечный пункт идеологической эволюции человечества и универсализация западной либеральной демократии как конечной формы управления человеческим обществом»⁴.

Такой вывод оставлял мало надежды для советских теоретиков, пытавшихся реформировать СССР и систему международных отношений, а также для тех американских и советских ученых, которые думали о том, чтобы свести сверхдержавы на уровень равноправного взаимодействия и бесконфликтного соревнования при сохранении существовавших различий.

А в тогдашней полемике с Ф. Фукуямой один из его оппонентов, авторитетный советский специалист по международным отношениям В.А. Кремениук назвал выводы американского политолога скоропалительными и

⁴ Фукуяма Ф. Конец истории? Пер. с англ. //США — экономика, политика, идеология. — 1990. — № 5. — С. 39-40.

неточными. Он отметил, что в холодной войне главный враг — не соперник в борьбе за политическое влияние, а опасность непредвиденного развития событий, в равной мере угрожавшая обеим сторонам, поэтому понятие победы в холодной войне расшифровывается прежде всего как избежание случайного возникновения войны, в чем обе стороны преуспели⁵.

В стремлении стран освободиться от жестких обязательств, существовавших в сфере безопасности, при одновременном расширении взаимозависимости и появлении определенных обязательств в экономической области, авторы видели отражение процессов глобализации⁶. Это же отмечали и другие специалисты в области безопасности.

Единственным выходом из складывавшейся ситуации политологи видели возврат к прежним подходам — соблюдению договорных норм и обязательств, из-за отсутствия или слабости которых начало военного конфликта представлялась более вероятным: «Государства обращаются к мечу в том случае, когда они изменяют своему слову (обещаниям или обязательствам). Лидеры государств стараются не давать необдуманных обещаний, но если они были даны, их следует уважать и сохранять им приверженность»⁷. Тревоги этих авторов предвосхитили последовавшие события, когда США, избрав силовой метод урегулирования международных проблем, приступили к формированию нового мирового порядка с позиции единственной сверхдержавы, без учета интересов России и других стран. Поставленные в конце 1980-х годов учеными СССР и США вопросы о глобализации международных отношений, о необходимости пересмотра традиционных подходов к решению мировых проблем, о важности взаимодействия как ведущих мировых держав, так и других участников

⁵ Кременюк В.А. Конец или начало истории? //США — экономика, политика, идеология. — 1990. — № 5. — С. 55-56.

⁶ Kegley Ch., Jr. and Raymond G. When Trust Breaks Down. Alliance forms and World Politics. — Columbia (S. Ca.), 1990. — P. 266-280.

⁷ Kegley Ch., Jr. and Raymond G. Op.cit. — P. 280.

мирового процесса в конструировании нового мирового порядка утратили важность для Соединенных Штатов после распада СССР.

Пиком советско-американского взаимопонимания, неравноправного и асимметричного соучастия в управлении миром, которое было главным итогом дипломатии 1985—1991 гг., стала позиция СССР во время войны в Персидском заливе в начале 1991 года. Как отметили некоторые российские политологи, хотя Советскому Союзу отводилась роль, отличавшаяся от его положения в до перестроечные времена, он продолжал сохранять роль ключевого партнера США, без которого мировое управление казалось невозможным. Советско-американское взаимодействие по-прежнему играло преобладающую роль. Однако заработать этой модели было не дано. С исчезновением СССР авторитарное двудержавное управление миром рухнуло. Но прочнее от этого международная стабильность не стала. Напротив, мировая система стала быстро сползать к дерегулированию⁸.

Можно прийти к выводу что Современная Россия, хотя объявила себя преемницей СССР, не рассматривалась США ни геополитическим, ни идейным партнером в пост биполярном мире. И только через десять лет, уже в новом столетии, Соединенным Штатам пришлось вернуться к решению вопросов, от которых они ушли с исчезновением второй сверхдержавы: кто и как все-таки регулирует международные отношения, как и под чьим руководством происходит складывание нового мирового порядка.

⁸ Этап за глобальным. Либеральный национализм во внешней политике России /Отв. ред А.Д. Богатуров. — М., 1994. — С. 7.